

петь (поскольку их целью было достижение специальных вибраций, кои должны были незамедлительно возыметь действие) способом, известным наставнику, который открывал его ограниченному кругу непосредственных учеников.

Это, как нам кажется, дает ключ к пониманию странной фразы Элиаса Эшмола (английского алхимика XVII века, члена братства розенкрейцеров). Он рассказывал, что учитель алхимии Уильям Бэкхаус открыл ему секрет совершения Великого Делания по слогам. Эти «слоги» оказываются идентичными знаменитым гласным, воспетым Рембо в одноименном сонете. Подлинные магические формулы, произнесенные надлежащим образом, вызвали определенные изменения в материи Великого Делания и уносили воображение адепта в высшие сферы, вызвали озарение, завершавшееся восхищением Абсолютным.

Некоторые из изображений «Немой книги» представляют алхимика и его супругу в древних ритуальных костюмах и держащими особые аксессуары. Отнюдь не случайные, поскольку, например, дуга, символ Луны, всегда находится у женщины. Ключ к пониманию сей ритуальной драмы, быть может, обнаруживается на нескольких алхимических гравюрах, где мы вновь встречаем эту пару в характерных одеяниях и снабженную соответствующими предметами. Среди этих персонажей иногда можно заметить Аполлона и Диану как символическое обозначение мужа и жены. Не служит ли это основанием предположить, что таким способом изображается ритуальная сцена, центральным персонажем которой является Свет?

Автор «Немой книги», вероятно всего, являлся членом тайного герметического общества, ибо не случайно на титульной странице трактата изображена герметическая роза.

Таковы главные «ключи» к возможному пониманию изображений «Немой книги». Алхимики были совершенно правы, утверждая, что в ней зашифрованы все великие герметические секреты - и они могут быть расшифрованы теми, кто обладает надлежащими способностями.

Вот классический пример простого алхимического символизма. В трактате «Торф философов» (средневековая арабская компиляция, переведенная на латинский язык) читаем: «Поместите мужчину (серу) и белую женщину (ртуть) в круглый дом, окруженный постоянным умеренным теплом, и оставьте их там до тех пор, пока они не превратятся в философскую воду. Тогда вы, если все сделали хорошо, увидите сверху почернение, служащее признаком гниения и сохраняющееся сорок или сорок два дня».

Бесспорно, гораздо проще, когда есть потребность изъясняться символами, прибегать к помощи образов, нежели слов. Врач и алхимик эпохи Ренессанса Михаэль Майер весьма справедливо заметил по этому поводу: «Философы выражаются гораздо свободнее и гораздо яснее при помощи знаков и загадочных фигур, этого своего рода немой язык, нежели при помощи слов...»

На одной из иллюстраций трактата «Liber Azotb» («Книга Азот») Василия Валентина изображена сирена, нажимающая на свои груди, из которых в море брызжут две струи; этот образ олицетворяет собой «богиню, рожденную нашим глубоким морем, которая извергает из своих грудей молоко и кровь, питающие камень». Еще одна хорошо известная символическая фигура: король с короной на голове, держащий в своих руках Луну и Солнце и опирающийся ногами на два стебля - один лилии, а другой розы.

В противоположность аллегории или эмблеме традиционный символ не имеет конкретного изобретателя: он, даже если используется самыми различными способами, всегда уходит своими корнями в глубинные - безличные - слои коллективного бессознательного.

Универсальность символизма есть факт, достаточно убедительно подтвержденный исследованиями в области глубинной психологии: хотя его внешние проявления, презентация, могут меняться от страны к стране, от века к веку, фундаментальная